

Превращение части — и, подчеркнем, лучшей части — тогдашнего демократического движения в оппозиционное, а энергии положительного социального преобразования в энергию протеста — печальная и драматическая страница нашей истории. Для немалого числа людей это обернулось утратой веры в социализм; судьбы большинства из тех, кого невозможность прямо и открыто высказать свое несогласие с новой официальной линией толкнула к нелегальным формам политического самовыражения, оказались изломанными. Одним пришлось проститься с родиной, другим нести наказание „по всей строгости закона”. Речь не о том, чтобы задним числом освободить их от ответственности за любые их конкретные действия, хотя бы и вызывавшиеся условиями и логикой борьбы: это в каждом отдельном случае индивидуальная моральная и правовая проблема. Но должна быть со всей определенностью признана и ответственность другой стороны. Тех, кто обратил этот закон против демократии, в наших условиях — социалистической. Тем, кто тем самым явился источником, а в правовом и моральном плане — виновником возникновения политической оппозиции в нашей стране.

Это взято из статьи Ю. Буртина, посвященной публикации поэмы А. Твардовского „По

праву памяти” („Октябрь” № 8, 1987), и в ней по сути дела кратко изложен смысл всей работы Ленина „Государство и революция”. Этот смысл в том и состоит, чтобы построить „идеологическое” государство, государство без политики. „Социалистическая демократия” в отличие от так называемой „классической” не отменяет борьбы „мнений” только мнения эти не должны противоречить Идее, которая неприкосновенна. Просто это борьба „хороших”, положительных для Идеи мнений с „лучшими”

Если мы хотим серьезно и ответственно подходить к процессам и явлениям, происходящим в нашей стране, то судить о том, каковы намерения власти и насколько ответственны ее на словах столь благие для страны пожелания, необходимо по трем параметрам: изменения в области внешней политики, в первую очередь в отношении Афганистана, изменения в области отношения к Церкви и религии, и изменения в отношении к оппозиции. Только тогда гласность начнет превращаться в политический процесс, когда окажется в состоянии воздействовать именно на эти параметры.

● НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Интервью с марксистом

„Многие мои друзья, ожидая, что волна тоталитарного террора вот-вот докатится и до них, заявляют о своем вступлении в Народно-Трудовой Союз российских солидаристов. Я не могу в такой форме продемонстрировать свою готовность до конца противостоять террористическому режиму, так как не разделяю ряд идейных посылок НТС. Но я отношусь к членам этой организации, ведущей героическую борьбу против большевистской тирании, как к своим товарищам, и всегда готов действовать вместе с ними. Дело у нас общее. Если меня арестуют, я буду считать себя военнопленным. Война, так война. Мы готовы постоять за свои убеждения. А вы, господа, вы не пройдете! У вас нет будущего. Будущее за нами”.

27 июля 1982 года

Так написал в своем заявлении в преддверии ареста Александр Скобов, 1957 года рождения, отбывший два срока заключения в психбольницах по политическим мотивам. Освобожден в 1987 году. Интервью взял Валерий Сендеров.

— Саша, скажи, когда ты был первый раз арестован, за что?

— Первый раз меня арестовали 16 октября 1978 года. Арестовали за самиздат: за написание, изготовление и распространение самиздатских материалов. Я с группой друзей издавал самиздатский журнал... Со второго номера мы его назвали „Перспектива”. Это был журнал левого направления, по нашему

замыслу в нем тогда должны были объединиться марксисты, анархисты и вообще всякие левые из молодых ребят. Мы не были связаны с существовавшим уже тогда правозащитным движением. Мы развивались сами собой, варились в собственном соку, естественно, делали массу ошибок, которые делали и до нас. Очень многое в истории нашей группы было сходно с аналогичными

группами конца 50-х — начала 60-х годов. Я уже потом много узнал о них. Но, пожалуй, больше похожего у нас было с другой группой „Ленинградцы” возникшей в 60-е годы на базе Ленинградского технологического института. Это был так называемый „Союз коммунар” и при нем издавался журнал „Колокол”, в редакцию которого входили Ронкин, Пахаев, Иоффе. Это была тоже марксистская группа. Конечно, она была крупнее нашей, серьезнее, ну а мы в какой-то степени повторяли ее, копировали, своим умом доходили до аналогичных или очень сходных вещей. Начали издавать самиздатский журнал. Успело выйти, правда, всего два номера, с третьего нас уже забрали... Тираж журнала был соответствующий: две закладки на машинке. Товарищам да знакомым — вот и все наше распространение...

— Была ли у этих журналов и у вашего, в частности, какая-либо позитивная программа?

— С разницей в терминологии (некоторые из нас это по-разному понимали), в общем, была. Это — исправление социализма. Исправление, демократизация... во многом то, о чем сейчас пишут в газетах...

— А кто был арестован кроме тебя?

— Кроме меня несколько позже был арестован Аркадий Сурков, мой товарищ еще со школы. Судили нас отдельно. Групповых дел они вообще предпочитали не вести. Суркова признать невменяемым не пытались, он получил срок 5 лет в лагере плюс 2 года ссылки. Причем в конце срока его „раскрутили” еще на 2 года, то есть он отсидел полностью семь лет в лагерях, часть из них — в Чистопольской тюрьме, потом пошел на ссылку, половину срока провел там, пока вот не наступило время „освобождений”...

— По какой статье Вас судили?

— Всех по 70-й. Меня признали невменяемым уже с первого раза. Дело в том, что в 8-ом классе я был поставлен на психиатрический учет с диагнозом „паранойяльная психопатия”: во время следствия это очень быстро откопали и провели 2 экспертизы. Первую, так называемую „пятиминутку”, провели прямо в тюрьме, но она ни на один из поставленных вопросов не смогла ответить. И тогда была назначена стационарная

экспертиза, и я был направлен в институт им. Сербского в Москву. Там меня „копали” уже досконально, выставили диагноз „психопатия глубокая”, признали невменяемым и рекомендовали принудительное лечение в психиатрической больнице общего типа. Суд состоялся в мае 1979 года и меня перевели в психиатрическую больницу Скворцова-Степанова в Ленинграде, в 8-е отделение. Там я находился до лета 1981 года, пока по решению комиссии (она состоялась весной) не был представлен к выписке.

— Саша, ты не мог бы вспомнить какие-нибудь бытовые детали своего заключения? С кем приходилось сталкиваться, пока ты находился в больнице?

— В общей больнице контингент смешанный. Там вместе находятся и алкоголики после белой горячки, и люди с более или менее выраженными психическими заболеваниями, тяжелые хронические больные, с острыми, далеко зашедшими формами шизофрении, у которых начался распад личности и которые потеряли способность разговаривать и ничего не понимают... 8-ое отделение, в котором я находился, считается буйным, хотя это не значит, что там все буйные — там просто более строгий режим. Очень широко в качестве репрессивной меры за различные нарушения режима применялась сила. Один раз эту меру пришлось испытать и мне. Думаю, что любой лекарственный аппарат применять в качестве наказания в медицинском учреждении — это не этично. Но к нам это применялось достаточно широко. Известно, что в психиатрических больницах больным запрещено держать спички. Так вот уколы серы могли назначаться просто за то, что у кого-то находили эти самые спички.

— Сколько народу, по твоей оценке, находилось тогда в больнице? Были ли пациенты, попавшие по политическим мотивам?

— Не много, но были. Общее число постоянно увеличивалось. Их было около двух с половиной-трех тысяч; во вторую посадку, когда я там находился с 1983 г. — три с половиной-четыре тысячи. Это большая больница, целый городок, там 31 отделение, и больница сильно перегружена. Страшная теснота. Вот, например, пятое отделение (я находился в нем три года, дольше, чем в других, за все время второй „принудки”).

Здание этого отделения спроектировано на 60 человек по всем санитарным нормам, но меньше 100 человек там бывало очень редко. А в наиболее горячие моменты и до 120 и более доходило. Конечно, это — масса бытовых неудобств, в палатах койки практически впрытык стоят, нет ни полочек, ни тумбочек... Не во всех отделениях и не во всех палатах стул разрешают ставить возле койки, чтобы повесить пижаму, положить пару книг...

— Между первым и вторым арестами чем тебе в основном приходилось заниматься?

— Продолжал заниматься самиздатом, написал несколько статей в информационный бюллетень СМОТа. Поскольку тогда происходили известные события в Польше, наиболее интересным мне казалось собирать и распространять материалы, связанные с этими событиями. Ну, например, такие вещи делали: люди, знавшие польский язык, скупали по киоскам польскую прессу. В период открытой деятельности „Солидарности” польская печать была очень интересной. И вот какие-то статьи переводились, печатались на машинке и уже в таком виде ходили по рукам. Также записывались на магнитофон передачи западных радиостанций о событиях в Польше — и это тоже получало распространение. Это тогда всех интересовало.

— Когда ты был арестован второй раз?

— 20 декабря 1982 года. Один любопытный момент сопровождал этот арест в том плане, что мне было инкриминировано как антисоветская деятельность. Как уже говорилось, я написал несколько статей для информационного бюллетеня СМОТ, и одна из них была о Чили. Еще в начале 1982 года я как-то прочел небольшую статью в этом бюллетене, в которой автор (кажется, это был кто-то из Москвы) ругал Сальвадора Альенде и хвалил Пиночета. Мне это очень тогда не понравилось и я посчитал своим долгом ответить. Чили я занимался специально еще в университете, у меня были знания по этому вопросу, так что я мог ответить. И я написал статью в защиту Альенде и резко осуждающую Пиночета. И тем не менее, эта статья была мне инкриминирована на следствии как антисоветская деятельность.

— Ты не поинтересовался, какой смысл они вкладывают в это определение „антисоветская деятель-

ность”? Что они могли там углядеть?

— Я интересовался этими вопросами еще на первом следствии, но уже после некоторого опыта общения с „органами безопасности” я потерял к ним всякий интерес. И уже во второй раз не задавал им никаких вопросов, как, впрочем, не отвечал на их вопросы, так как считал, что с ними не имеет никакого смысла общаться. Когда люди говорят на совершенно разных языках, какое может быть общение.

— Саша, скажи, когда тебя судили второй раз, суд отличался чем-нибудь от первого суда?

— Суд проходил опять же в мае, но только 83-го года. Суд вновь согласился с заключением экспертизы о моей невменяемости, причем без каких-либо новых данных, ее подтверждающих, а исключительно основываясь на старых делах. Принципиальной разницы между ведением следствия и тем, как проходили суды, я усмотреть не сумел.

— У нас сейчас много говорят о демократии, о гласности... Как ты относишься к тем переменам, которые произошли в нашей стране за последнее время?

— Система сейчас пытается как-то измениться или сделать вид, что меняется. Это видно хотя бы из того, что советское руководство пошло на некоторые уступки во внешней политике, в вопросах разоружения; было проведено освобождение некоторого числа заключенных, не реабилитация невинно осужденных, которая была при Хрущеве, а действительное освобождение политзаключенных, потенциальных оппозиционеров режиму...

— Но они же были освобождены по помилованию?

— Безусловно, государство и здесь не признало свою вину, но это все-таки больше, чем просто реабилитация тех, кого признали осужденными по сфабрикованным обвинениям. Другое дело, что в 50-х годах это было куда более массовым явлением. В сталинских лагерях по сфабрикованным делам находились миллионы людей. Ну, а то, что умолчания и здесь имеют место, что далеко еще не все политзаключенные освобождены и что официально не признана неправота государства, преследовавшего этих людей, —

свидетельствует о том, что несмотря на перемены, наше общество остается тоталитарным. И перейдут ли перемены в такое качество, когда они уже основы тоталитаризма начнут затрагивать, — очень трудно сказать. От нас многое зависит. Вот говорят о необратимости перестройки. Я в общем-то оптимист и верю, что тоталитаризм исторически обречен, рано или поздно он себя изживет... А вопросы о необратимости нынешних перемен — это просто вопросы о том, изжил ли он себя уже сейчас настолько, что дальше не сможет существовать: либо он вынужден будет рассыпаться, либо все-таки либерализоваться как-то по-настоящему... Или, и это тоже очень вероятно, в нем еще сохранились значительные жизненные силы, и он сможет в дальнейшем их мобилизовать, сгруппировать и перейти в контрнаступление... Не знаю.

— Саша, чувствуешь ли ты, что сам внутренне изменился? Как ты теперь относишься к своему „марксистскому прошлому“? Вспомнились ли тебе яркие впечатления, встречи с людьми, может быть, разговоры?

— Здесь два вопроса. Вначале отвечу на последний. Мне очень хорошо запомнились мои бесконечные встречи и разговоры в больнице Скворцова-Степанова с врачами, старавшимися на протяжении всего этого долгого времени очень последовательно и добросовестно убедить меня в том, что я действительно психически больной человек. Мне показался любопытным их основной аргумент: что я поступаю сознательно во вред себе. Например, немного надо, чтобы выйти из больницы при ближайшей комиссии. Надо сказать на комиссии, что взгляды были ошибочными, думал я так и делал по болезни, сейчас я это понимаю, спасибо вот докторам, которые подлечили меня, что теперь я так не думаю и делать так больше не буду... Причем всем было хорошо известно, что это чистая формальность — истинность таких заявлений никого не интересует.

Ну, а что касается вопроса, изменился ли я внутренне, скажу, что да: мои марксистские взгляды претерпели коренную метаморфозу. Я бы так это определил: в молодости люди стремятся к каким-то глобальным теориям, которые должны универсально объяснить им мир, все разложить по полочкам, дать обоснованную и гарантированную

программу на будущее: все будет так, а не иначе. С возрастом это, конечно, проходит. Думаю, что увлечение многих молодых людей марксизмом объясняется именно этим. Марксизм создает иллюзию универсальных ответов на все вопросы по поводу гарантированного будущего, которое будет рассчитано, научно обосновано...

— Прости, но ведь христианство обладает такими способностями куда в большей степени, правда, в нем нет места для бухгалтерских подсчетов... Это не теория, а жизнь, и молодежь она привлекает несравненно сильнее, по крайней мере у нас...

— Вот в том-то и дело, что христианство не теория. И в этом плане оно куда более открыто и, несмотря на его внешнюю консервативность, — более гибко. Оно дает человеку много путей, но выбирать человек должен сам. Нет, с возрастом человек становится консервативнее, он более пессимистически начинает относиться ко всем универсальным схемам, пытающимся с помощью политических и социальных преобразований изменить человека, мир, сделать людей счастливыми. И тогда может прийти понимание другого. Ради того, чтобы совершить какой-нибудь переворот, преобразовать общество, стоит заниматься общественной деятельностью. В любой теории можно найти изъян, зацепочку, и полетит вся схема. И человек, потерявший такую схему, будет чувствовать себя очень неуютно. На самом деле для того, чтобы определить свою личную позицию в жизни, достаточно чувствовать, понимать, что есть добро, а что есть зло. А это понятия вечные для всех времен и народов, видимо, все-таки абсолютные. И вот эти этические ценности дают человеку в жизни куда более прочную опору, чем все теории вместе взятые. Относительными как раз становятся эти теории, претендующие на абсолютность... И человека, приверженного к какой-либо теории, чтобы на следствии выжать из него показания, достаточно бывает убедить в ошибочности его теории. Не всегда, конечно... А у кого есть твердые нравственные основы, того расколоть, сломать гораздо трудней бывает... Невозможно просто. Вот не хотел, а получилось что-то вроде схемы!.. И сейчас я на любые теории смотрю достаточно скептически. Они могут быть интересными, предполагая известную игру ума, но не в состоянии определить жизненную позицию.

— А твоя жизненная позиция какова сейчас?

— Моя жизненная позиция... она в том, чтобы всегда противостоять и сопротивляться лжи и насилию независимо от внешних обстоятельств, независимо от того, есть ли надежда на скорое торжество истины...

Дополнение интервьюировавшего: „На днях я узнал, что Саша крестился в одном из московских храмов”.

Москва, 18.11.87 г.

● СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Высшее образование в дореволюционной России

Н. РОСС

Высшее образование

Перед Февральской революцией в России существовало 11 университетов (не считая Гельсингфорского, находившегося на совсем особом положении): Петроградский, Московский, Казанский, Харьковский, Новороссийский (в Одессе), Киевский, Варшавский (Ростовский), Дерптский, Томский, Саратовский и Пермский. Два последних были основаны уже при Николае II: Саратовский — в 1909 году, а Пермский, в значительной степени на средства местной общечественности, — в 1915 году. В последние месяцы перед революцией на базе Варшавского университета (эвакуированного вследствие отдачи города германцам) был основан университет в Ростове-на-Дону.

В 1914 году в российских университетах обучалось 36.404 студента: в Московском — 9892, Петербургском — 7741, Киевском — 4919, Харьковском — 3320, Варшавском — 2622, Дерптском — 2255, Казанском — 2089, Новороссийском — 2047, Томском — 980 и Саратовском — 539. Примерно половина общего числа студентов занималась на гуманитарных и юридических факультетах, другая половина — на медицинских, физико-математических и естественных. С конца XIX века число студентов возросло больше чем в два раза (их тогда было около 16.000) и в предвоенные годы ежегодный прием студентов составлял 8000 человек.

Спецификой русских университетов было большое значение общих и теоретических зна-

ний на всех факультетах, даже естественных. Русская профессура была высокого уровня и вполне выдерживала сравнение с профессурой любой европейской страны. Научное общение с зарубежными университетами было совершенно свободным и очень активным. Университетский курс делился на четыре года (на медицинских факультетах — 5 лет), а каждый год — на два семестра. В конце первого семестра студент проходил полукурсовые испытания, в конце года — курсовые. Студент, получивший выпускное свидетельство от университета, допускался к государственным экзаменам при любом университете страны (все русские университеты были государственными).

...Уставы 1884 года, существенно стеснявшие университетскую автономию, были отменены указом 27 августа 1905 года, предоставившим ответственность за все университетские дела советам университетов и выбранным ими ректорам. Университеты, в частности, сами выбирали свою профессуру (выбор их затем утверждался министерством). Указ также разрешал создание независимых студенческих организаций. События 1905 года всколыхнули (и до них часто беспокойную) студенческую жизнь. Большое развитие получили студенческие издания, газеты и журналы самых различных политических направлений (но в большинстве своем — левые), были созданы многочисленные объединения и организации, обычно возглавляемые (в порядке поиска компромисса) студентами умеренно-левых и либеральных (часто кадетских) политических убеждений.

Но при министрах народного просвещения А. Н. Шварце (1908—1910) и Л. А. Кас-

Статью Н. Росса „Начальное и среднее образование в дореволюционной России” см. „Посев” № 12, сс. 50—55.